

Авангард Леонтьев — артист, для которого слава — нечто второстепенное. Главное — интересная работа, дающая возможность максимальной реализации. Будь то в "Современнике", где он проработал почти 30 лет, или в Школе-студии МХАТа, где преподает. Так называемый "массовый зритель", приходя на спектакль с участием Леонтьева, терзается смутными подозрениями, что как будто где-то его видел в кино, а вот в каком — не помнит. Но наконец вспоминается ему несчастный шофер грузовика из фильма Никиты Михалкова "Утомленные солнцем", и он, улыбаясь, скажет о нем: "Хороший артист, что ж так мало снимают?" И верно, царство Леонтьева — родной "Современник", где он состоялся, где играл у Г. Волочек, В. Фокина, Г. Виноградова, где он "звезда".

Авангард Николаевич, вы не жалеете, что кино вас так мало использовало: маленькая, но очень важная в смысловом плане роль в "Утомленных солнцем" дает понять, как много вы могли бы сказать в кинематографе...

— Я жалею, но что же делать. Видите ли, кино — очень молодое искусство. Ведь было же время, когда его не было, а артисты были. Вот я и отношу себя к категории артистов времен докинематографических. А что касается Михалкова, то у него любая роль интересна.

— Ваше театральное творчество тяготеет к тому, что в литературоведении, например, называется русской натуральной школой. Это голевские персонажи в спектаклях Фокина (Чичиков из "Мумера в гостинице города NN", Добчинский из "Ревизора", Ретроградный черт из спектакля "Карамазовы и ад"). На мой взгляд, это не просто маленькие люди, а образы, тяготеющие более к полусторонности, нежели к земной реальности. Откуда бе-

Мой герой

Культура. — 1997. — 9 окт. — с. 12

— обычный человек

Фото Б. КОПИРОВОГО

рется эта inferнальность?

— Я бы не хотел называть их маленькими людьми. Мой герой — обычный человек. При определенном стечении обстоятельств каждому приходится вставать перед выбором, и принятое решение определяет масштаб личности. Такая возможность кроется, наверное, в каждом человеке. И вот это-то как раз и было интересно исследовать.

— Вы именно таким хотели быть на сцене, когда поступали на актерский? Можно ли сказать, что ваше видение себя совпало с тем, что вы сейчас есть?

— У каждого человека, идущего на сцену, есть круг возможностей, предначертанных самой природой. Совокупность моих внешних и внутренних данных делает меня удобным для использования в таких именно ролях. Ну, может быть, с самого

начала я не так хорошо знал себя, как это виделось со стороны. Но еще моя руководительница в студии художественного слова Дворца пионеров, где я занимался, Анна Гавриловна Бовшек, определила круг ролей, который меня ждет при счастливом стечении обстоятельств. Это Епиходов, Башмакин, Смердяков, Мarmеладов, Хлестаков... Я не всех сыграл и многих уже не сыграю, но все мои персонажи были родственниками этих героев.

— Могли бы вы представить себя в другой театральной эстетике?

— Трудно говорить об этом теоретически, поскольку в "Современнике" я проработал 29 лет. Мне интересен "Современник" в том плане, что это театр, работающий в русле русской актерской традиции, актерского начала в театре. Но мне не кажется, что разница между

русскими театрами сейчас так велика. Когда начинают умствовать и заниматься формальными вещами, не вытекающими из смысла, вот это как раз и вне традиции российского театра. А все остальное вполне традиционно. В России театральная традиция жива не только в театре. Она жива и в зрителях. Нашему зрителю мало определенной трактовки, у нас любят, чтобы хорошо играли. Образованная часть публики предпочитает хорошую натуралистичную игру. Русский театр всегда отвечал на этот зрительский запрос.

— А в чем секрет успеха "Современника" в Америке?

— Именно в этом. Человек — везде человек. А американцы не имеют хорошего драматического театра — настолько хорошего, чтобы, как в русском, в одной и той же труппе могли играть одновременно пять, десять, пятнадцать высококлассных актеров. Для американского театра это недостижимо. Там может быть в мюзикле занята одна "звезда", две. Остальное — кордебалет, обслуживающий элемент. В нашем ансамблевом театре, каким и является "Современник", спектакль неизмеримо богаче, потому что сразу несколько человек играют высококлассно, во взаимодействии.

— При каких условиях вчерашний студент актерского факультета реализуется как самостоятельная творческая индивидуальность?

— Если он получит интересную творческую работу, не будет в простое. Или его просто будут кратковременны, а самоотдача — полной. И если при достигнутом успехе медные трубы его не испортят. Станиславский говорил: "Чтобы пережить настоящий театральный успех, нужно быть очень и очень образованным человеком". Вот эти два "очень" меня всегда пугали, потому что трудно быть просто

образованным человеком, а уж очень и очень... Многие рискуют в случае театрального успеха самоуспокоиться, что ли.

— Присуще ли мэтру волнение первокурсника? Часто ли вы сомневаетесь в себе, выходя на сцену?

— Тут не может быть разделения на мэтров и студентов: перед искусством все равны. Конечно же, и я волнуюсь и сомневаюсь. У меня нет сознания самодостаточности. Вот сейчас репетирую Епиходова и не знаю, как его играть...

— Есть у вас любимая роль?

— Знаете, любимая роль — та, которую я сегодня играю, в данный конкретный вечер я обязан ее сделать любимой — это моя работа. А так, чтоб любимая на всю жизнь... Этого нет.

— Значит, можно предположить, что роли-мечты у вас нет. Знаете, как говорят: каждый актер мечтает сыграть Гамлета.

— ...или Чацкого. Нет и никогда не было такой мечты — сыграть какую-то конкретную роль. Всегда хотел и хочу работать над хорошей литературой и с хорошим режиссером.

— Только ли из-за пресловутого желания славы человек становится актером, как принято считать?

— Слава здесь совершенно ни при чем.

— Почему тогда при таких жутких сегодняшних условиях, когда актерская профессия не обещает ее носителям максимального процветания, столько народу ежегодно осаждают актерский факультет?

— Потому что человек, чувствующий в себе определенные способности, должен их реализовывать, иначе они его замучают. Нереализованный творческий потенциал способен убить.

Беседу вел
Елена ЩЕУЛОВА

Леонтьев в "Современнике"

9.10.97

1997